

Осень — самое поэтическое время года. Голоса поэтов ясно и чисто звучат в воздухе. И с — газетной полосы.

Юрий Бойко

Юрий Бойко... мой старый одесский друг с 60-летним стажем. Если кратко, для тех, кто с ним не знаком (а в Одессе таких нет!), — добряк, умница, гениально фотографирует, пишет смешные, ироничные, замечательные стихи, играет на гитаре, гурман, шашлычник, кофепивец, компанейская душа, жизнелюб — квинт-эссенция настоящего одессита!

Всем хорош, вот только жалко, что не еврей... хотя...

Александр Чоклин

Покой нагрел в сорок лет...
Кто мог предусмотреть такое?
Тусовки, тетки и запои
Оставили конкретный след.
Прозренья погода пришло.
Ах, если б наверстать прогулы...
Тогда б действительно рвануло,
А так — всего лишь прорвало.
Остатки псевдокрасоты
Увы, пришлось перегримасить,
Хрустальное яйцо расквасить,
Так и не высидев мечты.
На лбу — воспоминаний след,
Друг не пришел — возможно, помер...
На кружке — инвентарный номер,
А на плечах — холодный плед.

Я хочу закрутить роман,
Я в который раз воздержусь.
Я метну себя на диван —
Я нарядно на нем смотрюсь.

(Фотографическое)
От призвания не убежать,
Дал работу нам дедушка Даггер.
Мы теперь обладатели дара...
За не даром на кнопку нажать.

Я работаю атлантом —
Просто нет других талантов.

Тая Найденко

Если, читая строки поэта — стихи, как говорит не изменяющий себе и очень правильной самоиронии автор, — если, читая, тебе хочется: а) жить; б) радостно выпить; в) набрать кого-то из друзей и немедленно им прочитать... то это — Тая Найденко. Родилась и пишет в Одессе. Автор сборника «Все дано», презентованного в ВКО, мама двух дочек, человек, поэт и журналист.

А. Г.

У осени есть глубина,
И страшно вспоминать о лете.
Держи свою тоску в секрете,
Чтоб не разгневалась она.
У осени есть честь и долг.
Холодный свет. Все солнце — мимо.
В моей душе печальный дог
Считает искры у камина.

Сочтет — и выйдет за порог,
Где небо умножают лужи.
У осени есть только Бог-
Отец, а Сын еще не нужен.
А значит — и спасенья нет
Ни от тоски, ни от тумана...
Знакомый запах сигарет
Чужим становится и странным.
Пуста хозяйская кровать —
Ни рук лизнуть, ни рыкнуть строго.
И остается только ждать:
Хозяина, тепла и Бога.

Входи в меня, как в лето, которое кончат
То августовским шумом, то тихим сентябрем,
Входи в меня, как в море, которое качает
И бьет корабль о берег. Мы новый соберем.

Входи в меня, как в город, упавший обреченно
Под кованым железным хозяйским сапогом.
Когда все это небо затянет тенью черной,
Входи в меня, как в мирный и безопасный дом.

Входи в меня без стука и без предупреждения.
Представь себе, что завтра уже не будет тел.
Считай меня подарком на сотый день рождения,
Который не наступит. Да ты б и не хотел.

Есть миллион вселенных, где ласковые боги,
Где солнце выжигает из золота дома,
Где мраморные звери хранят тебя в дороге,
И спящих согревает серебряная тьма.

Людмила Шарга

Людмила Шарга — человек неповторимый в современной литературной летописи Одессы. Утонченная, прочувствованная лирика — то, чем сейчас могут похвастаться не многие поэты. А еще — проза, публицистика: они такие же, как ее поэзия. Создательница и ведущая литературной гостиной «Diligans», которой в этом году исполнилось 10 лет, заведующая отделом поэзии Одесского литературно-художественного журнала «Южное сияние». Для нее должности и публикации — всего лишь условность, красивые ярлыки. Главное — дыхание в атмосфере творчества. Взаимопонимание между своей душой и душой этой планеты, переключки внутреннего мира и среды обитания, в которой она так и не научилась чувствовать себя дома. Она — язычница по мировоззрению, того язычества, которое не отрицает веру в Христа, а скорее усиливает ее, — она просто живет так, потому что не умеет иначе. Живет так, как не умеют и хотели бы уметь многие — по-честному, без лжи во всем. И при этом она выполняет все возложенные на нее задачи с полной самоотдачей. И первую очередь, задачу по сотворению поэзии.

В середине лета в «Издательском доме Дмитрия Бурого» вышла в свет и была презентована в Золотом зале Одесского литературного музея очередная книга автора — «Мне выпал сад». Это уже девятая книга, до этого были сборники прозы и поэзии. Зал был с головой погружен в глубокий внутренний мир Людмилы Шарги. Знаете, это многого стоит, это умеет тоже не каждый поэт. И не зря в начале лета она стала лауреатом премии Фонда русского безрубежья, созданного хорошо известной и горячо любимой Верой Зубаревой. И тем более ожидаемым был ответ Людмилы Шарги: «Никогда не думала, что что-то вкладываю в русскую литературу. Напротив, только и занимаюсь тем, что черпаю из нее, как из волшебного неиссякаемого источника, черпаю и делюсь с друзьями тем, чем хочется поделиться, тем, что люблю».

Виктор Меньшиков

Невозможно расстаться с городом,
где морем просолен воздух,
где улицы рассказывают
легенды камня домам.
Лучами солнца исколоты
пустые чайчи гнезда.
Двумя случайными фразами
начинается пляжный роман.

Колодою карт игральных
мельтешат годы и лица,
изменяется масть, и маски
не скрывают подлинных чувств.
Пляжный роман театрален —
который сезон все дается,
героиня не ждет развязки,
да и я ее не хочу.

Невозможно расстаться с городом,
где все становится морем:
где будущее туманно,
где былое — песок морской.
Театральный роман короток.
Кто автор?
Булгаков, Мозм?
На этот раз — как ни странно,
он написан моей рукой.

Июльское

Горячее солнце июля
до края наполнило дни,
гудит, как разбуженный улей,
мой город в ажурной тени.
Презревшие лень и негу
спешат, позабыв про дела,
в волну окунуться с разбегу
и солнцу подставить тела.
А здесь, словно в каменной колбе,
в колодец родного двора
июльский тринадцатый полдень
стихом опадает.
Жара.

Куда-то исчезли полгода —
и эти недели не в счет,
на лестнице черного хода
паук паутину плетет,
и ходит от края до края,
свивая полуденный зной...
Короткие ночи сгорают,
и утро пестрит новизной.
У «сфинкса» оконных откосов
чердачная пыль на хвосте,
из персиков и абрикосов
варенье кипит на плите.

Я мажу янтарные пенки
на хлеб, еще теплый внутри...
Здесь солнечный заяц на стенке,
здесь солнечный след — у двери,
здесь ангелов слышится пение,
здесь свет и тепло, и уют.
Здесь лестницы «черной» ступени
к девятому небу ведут.

Елена Касьян

Впервые услышал Елену Касьян в 2011 году на литературном фестивале в Одессе и понял, что испытывал Одиссей, когда пели сирены. В море современной поэзии у нее собственный голос. Она осталась верна поэзии Серебряного века, где тонкость чувств, богатейшая аллитерация, образность работают на смысл, на точность высказывания. И главное: стихам Елены Касьян совершенно точно соответствует само понятие — лирика. Это личностная исповедь, глубокое чувство,

поэтическая взволнованность не по возрасту мудрого и сильного человека.

Пишу. И слезы на глазах. Она шесть лет боролась со смертью. В эти годы часто приезжала в Одессу, здесь делали анализы. И когда могла, когда позволяли силы, приходила в студию «Зеленая лампа», читала стихи. 14 июля ее не стало.

Евгений Голубовский

У Кашея Бессмертного три внебрачные
дочки:
от Марьи Моревны,
от Елены Прекрасной,
от Василисы Премудрой.
Все они учатся в заморских странах,
красят волосы и ресницы, говорят не по-
русски.
Старшая вся в мать (и коня на скаку, и в
избу, и далее),
к средней сватается Джон-царевич
(видать, какой-то из ихних),
младшая хочет быть танцовщицей,
у нее змеиная гибкость и папины глаза.
Шлет им письма с гонцами Кашей,
умоляет:

«Дочери мои, приезжайте, обниму вас
хоть по разочку.
Жизнь моя на конце иглы, игла в яйце,
яйцо уже снесла утка...
Долго ли мне чахнуть над златом
(по утрам мучает кашель, по вечерам
изжога, по ночам бессонница),
все до монеточки для вас берегу-
старюсь...»
Три внебрачных Кашеевых дочки:
от Марьи Моревны,
от Елены Прекрасной,
от Василисы Премудрой —
не отвечают на письма. Думают:
папка-то у нас бессмертный!
Успеешь еще...

Я твой номер наизусть заучила,
В голове его сто раз набирала.
Хорошо, что ничего не случилось,
Просто поезд отошел от вокзала.

Я могла бы жить и тише, и проще,
Да куда мне с головой бестолковой?
Вот иду себе одна через площадь,
И пою себе — а что тут такого?

Город глянет на меня из окошек,
И подумает: «Какая пропажа»...
Переглажу всех потерянных кошек
И всех уличных собак переглажу.

Мне ни времени не жалко, ни ласки —
Столько нежности зазря пропадает.
А любви во мне опять под завязку —
Завязать бы, да шнурка не хватает.

Одуванчики цветут, как шальные,
Я венков бы наплела, я училась.
Хорошо, что мы с тобою живые,
Хорошо, что ничего не случилось.

(Опубликовано в литературном журнале
«Берлин — берега»)